

сикографическую отраженность фразем с компонентом *чорны*, что следует учесть составителям словарей.

Список использованных источников

1. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Изд-во Самарк. ун-та, 1973. – 147 с.
2. Попова, Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. – 96 с.
3. Трессиддер, Д. Словарь символов [Электронный ресурс] / Д. Трессиддер // Большая онлайн-библиотека e-reading. – Режим доступа : http://www.e-reading.club/bookreader.php/57311/Tresidder_-_Slovar%27_simvolov.html. – Дата доступа : 01.10.2018.
4. Газета «Звезда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zvezda.by>. – Дата доступа : 25.09.2018.
5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў – Т. 2: М – Я. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

УДК 811.161.1'42:398.2:070

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *РУКА МОСКВЫ* В СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА

А. Л. Стрижак

В статье с опорой на Национальный корпус русского языка анализируется функционирование фразеологизма “рука Москвы” в современных русскоязычных масс-медиа, рассматриваются семантические и валентностные трансформации данного устойчивого выражения, а также случаи его использования как средства реализации языковой игры.

Ключевые слова: *масс-медиа, интернет-пространство, фразеологизм, семантика, языковая игра, дефразеологизация.*

The article based on the Russian National Corpus analyzes the functioning of the idiom “arm of Moscow” in modern Russian-language mass media, discusses the semantic and valence transformations of this sustainable expression, as well as the cases of its use as a means of implementing a language game technique.

Key words: *mass media, Internet space, phraseological unit, semantics, language game, defrazeologization.*

Внеязыковая ситуация конца XX – начала XXI вв. характеризуется значительным влиянием СМИ, в особенности интернет-ресурсов, на формирование общественного мнения, сознание людей, а также на национальную культуру и речевую практику социума. Изучение закономерностей, отражающих возникновение и функционирование оценочных фразеологических единиц в интернет-пространстве Беларуси и России, приобретает особое значение с учетом усиления воздействующей функции данной области коммуникации, изменения характера оценочной модальности, появления в современных СМИ огромного количества оценочных единиц, используемых для выражения позиции автора, издания либо интернет-ресурса.

Как известно, публицистика не только оперативно отражает появление новой лексики в языке, формирует новые значения слов, относящихся к различным функциональным стилям, но и способствует фразеологизации свободных словосочетаний. Такие изменения в первую очередь влияют на нормы словоупотребления, что влечёт за собой формирование у нейтральной лексики аксиологически отмеченного значения.

Предметом нашего рассмотрения станет устойчивое сочетание *рука Москвы*, анализ функционирования которого в современном русском языке осуществлялся с опорой на Национальный корпус русского языка. В целесообразности отнесения названного выражения к сфере фразеологии нас убеждает тот факт, что «всякое языковое образование – каким бы оно по своему размеру, структуре и значению ни было – является фразеологизмом, если оно сверхсловно и воспроизводимо» [1, с. 127]. Очевидно, что любые словесные сочетания, возникая в процессе коммуникации, служат для номинации определенных областей действительности или для выражения отношения к ней. Закрепление в языке подобных сочетаний происходит в том случае, когда они удачно, с точки зрения общественной практики, выполняют эту задачу. В результате побеждают варианты, «целесообразные для определенных условий общения, т. е. конкуренция – это закономерное явление, продиктованное коммуникативной целесообразностью» [2, с. 37].

Активное использование политической фраземы *рука Москвы* Публ. 1. ‘О политике СССР (в западной прессе)’; 2. ‘О деятельности советской агентуры за рубежом’ [3, с. 439] в СМИ последних десятилетий обусловлено не только коммуникативной необходимостью, но и сложившейся экстралингвистической ситуацией, которая проявляется в стремлении

России как правопреемнице СССР сохранить политико-экономическое влияние на территории постсоветских республик.

Материалы НКРЯ показывают, что первое употребление выражения *рука Москвы* в русском языке датируется 1929 годом: *Мы могли бы с ним подружиться, но что-то мешало, что-то вмешалось. В современной политике это называется «видна рука Москвы». Эта «рука Москвы» выяснилась только через несколько лет. Провожая меня с какого-то вечера домой, он разговорился и признался, что нас поспорили* (Н. А. Тэффи, «Моя летопись», 1929). Как видим, автор творчески преобразует значение фразеологизма, что проявляется в контекстуальной деполитизации и конкретизации его семантики.

Анализ функционирования фраземы *рука Москвы* в современных СМИ позволил выявить определенные семантические и валентностные трансформации данного устойчивого выражения. Так, в НКРЯ сочетание *рука Москвы* представлено 48 контекстами, в 14 из которых (29%) фразеологизм реализует значение, близкое к исходному: *Они были уверены, что коммунисты погубили Маяковского, и очень боялись Советов, боялись, что «рука Москвы» найдет и их, поэтому – затаились* (Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)); или: *Когда российская пресса вспоминает о том, что в Крыму не все спокойно, здесь уверены: это «рука Москвы»* (Изв., 21.05.2004); сравним: *Опять «рука Москвы» Решение Европейского суда совпало с очередным обострением ситуации в Южной Осетии и Абхазии* (КП, 04.08.2004); *Эстонские власти, напуганные массовыми протестами против переноса Бронзового Солдата, наконец-то нашли им свое объяснение. Во всем, оказывается, виновата «рука Москвы»* (КП, 29.05.2007).

Рассмотренные выше примеры дают основание скорректировать значение фразеологизма *рука Москвы*: Полит. 'Многоаспектное целенаправленное влияние Российской Федерации на внешне- и внутриполитические процессы в иных государствах'. Следующие текстовые иллюстрации демонстрируют активное использование фраземы *рука Москвы* в новом, предложенном нами значении: *Все, что происходит у нас, было заложено раньше и какая здесь может быть рука Москвы? Разве рука Москвы руководила Ющенко, который издавал в прошлом году четыре указа о роспуске парламента или рука Москвы руководила БЮТ, который блокировал трибуну Верховной Рады?* (Новый регион, 09.09.2008); или: *С одной стороны – рука Москвы в церковных спорах налицо* (С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству (2000)); сравним: *Столичные комментаторы немедленно откликнулись: Руцкого из губернаторской гонки вывела «рука Москвы»,*

естественно, подозревая администрацию президента РФ (Труд-7, 30.11.2001).

Непрерывный поиск авторами современных масс-медийных текстов дополнительных средств выразительности приводит к расширению возможностей употребления оценочных единиц: *Тут мужичок из штаба Колмогорова (который **рука Москвы**) такой презабавный случай рассказал* (КП, 18.12.2001), где значение фраземы *рука Москвы* сужается и конкретизируется: Полит. 'Многоаспектное целенаправленное влияние Российской Федерации на внешне- и внутривнутриполитические процессы в иных государствах' → 'штаб политического деятеля'; сравним: *Потому как знают, что за такое их местные братки растерзали бы. Это все «**рука Москвы**». Кто бы ни осмелился покушаться на всенародно известного тверича, а факт: убийцы до сих пор на свободе* (Труд-7, 05.07.2002), где также наблюдается сужение значения фразеологизма: Полит. 'Многоаспектное целенаправленное влияние Российской Федерации на внешне- и внутривнутриполитические процессы в иных государствах' → 'влияние федерального центра'.

По аналогии с исследуемым выражением создается сочетание *рука Вашингтона* в данной газетной иллюстрации: *Настроение и поведение протестовавших свидетельствовали о том, что ими не движет **рука Москвы** или **Вашингтона*** (Труд-7, 20.12.2010); сравним: *Тут важнее другое – европейский интеграционный проект не спасет от кризиса, а даже усугубляет его. Опять же не будем сейчас задаваться вопросом: «Кто виноват?» – брюссельская бюрократия, «**вашингтонский обком**» или «**рука Москвы**» с «**кознями Пекина**»* (Изв., 29.05.2014), где представлено окказиональное сочетание, образованное совмещением контрадикторных понятий – историзма *обком* и прилагательного *вашингтонский*.

Фразеологизм *рука Москвы* также демонстрирует активную сочетаемость с характеризующими прилагательными, что позволяет пишущему информативно и кратко выразить отношение к референтной ситуации: *Щедрая «**рука Москвы**» отводит беду, помогает таджикам налаживать жизнь* (Труд-7, 17.06.2003); или: *Другая версия прямо противоположная. Это, якобы, «**длинная рука Москвы**». Теперь уже ясно, что на Березовского совершено покушение* (КП, 26.03.2013); сравним: *Киев как отдельная часть – мегаполис, финансовый, промышленный и бюрократический центр, в недавнем прошлом как бы **продолженная рука Москвы**, переживший особую эпоху расцвета с воцарением «украинца» Хрущева на советском престоле* (Новый регион, 04.05.2006); *Говорят, до Нью-Джерси дотяну-*

лась **шершавая рука Москвы** (Изв., 12.09.2006); *Либо запугать британцев, мол, кровавая рука Москвы уже орудует в центре Лондона, либо сказать: мол, мы вам говорили, что с этими людьми дело иметь нельзя, а вы не послушали* (КП, 25.11, 2006).

Выразительность представленного ниже примера достигается вследствие контекстуальной антонимии определений *изящный* и *мохнатый*, а также в результате актуализации компонентного состава фраземы *рука Москвы*: *Потому что для части демонстрантов, особенно с Западной Украины, очень важно, где «мохнатая рука Москвы», а где изящные пальцы Вашингтона* (КП, 26.11.2004).

Отличительной чертой употребления рассматриваемого фразеологизма в современных масс-медиа является прием дефразеологизации, в основе которого лежит стремление пишущего реализовать механизм языковой игры: «...в основе языковой игры лежит стремление достичь определенного эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого нестандартного использования языковых средств. <...> Творческий характер языковой игры и ее специфику усматривают также в порождении структур, имеющих более одной интерпретации, в создании множественности одной из сторон знака: формы или содержания» [4, с. 57].

Одним из наиболее частотных способов реализации приема языковой игры становится обращение к словосочетанию-прототипу фразеологизма *рука Москвы*: *Написал о художнике Панюшкин. Тоже в своем роде **рука Москвы**. А также ее очки, лысина и ботинки 43-го размера* (Столица, 18.03.1997); или: *До войны **рука Москвы** только ощупывала Штаты, не охватывая, не сжимала и не держала континент* (Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)); *Вы же знаете ножки Буша – ну так знайте, что те ножки вам **протянула фактически рука Москвы*** (Столица, 12.08.1997); сравним: *Блас Рока и Анибаль Эскаланте, аппаратчики сталинской формации, ревниво характеризовали Фиделя как калифа на час, и «**рука Москвы**» отнюдь не **подсадила** его на борт «Гранмы»* (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)); *«**Рука Москвы**», о которой экс-генерал КГБ Олег Калугин подробно писал в своих откровенных мемуарах, похоже, **достала** его и в Америке* (КП, 28.11, 2002).

В ряде случаев прагматический потенциал контекста достигается вследствие актуализации значений слов, образующих фразему *рука Москвы*, и обыгрывания связанных с ними ассоциаций. Следствием

этого является «снижение языковой планки текста, уменьшение его пафосности и, напротив, возрастание экспрессивности, усиление «личностного» начала» [5, с. 101]: **Рука Москвы оказалась короткой.** «Зенит» не дал «Спартаку» стать летним чемпионом (Изв., 01.07.2001); **«Рука Москвы» отсохла.** И сейчас, скажем, в Польше, у которой всегда было предостаточно поводов обижаться на поведение Москвы в историческом прошлом, в газетах вы нигде не прочтете ничего про «руку Москвы» (Изв., 01.07.2001); или: **Потом Лужков положил руку на плечо Абашидзе... «Рука Москвы уж тянется к Батуми!»** (КП, 11.03.2003); сравним: **Что касается руки Москвы – рука Москвы в рабочих мозолях,** потому что это рука трудолюбивого российского народа, – завершил премьер (КП, 04.10.2008); **Когда крючкомтворство надоедает, Кадыров заявляет, что тоже может взяться за автомат! Вот так «рука Москвы»!** Автомат всегда у «руки» под рукой – и никогда точно неизвестно, куда он может начать стрелять (Время МН, 2003).

Таким образом, анализ употребления фразеологизма *рука Москвы* в русскоязычных масс-медиа последних десятилетий позволил выявить некоторые особенности, к числу которых могут быть отнесены регулярное обновление семантики фраземы, возможности её сочетаемости с характеризующими определениями, а также активное использование названного выражения как средства реализации языковой игры.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Либроком, 2009. – 312 с.
2. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 268 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
4. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : УрГПУ, 1996. – 214 с.
5. Нещименко, Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации : Проблемы. Тенденции развития / Г. П. Нещименко // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98–132.